

**ВИЗАНТИЙСКИЕ АРХОНТЫ XIV-XV вв.
КАК ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА**

В юстиниановом законодательстве "Свод гражданского права" и в легислативных сводах послеюстиниановой эпохи вплоть до конца существования империи население Византии в правовом отношении подразделялось на свободных и рабов. В тит. VIII ст.1 "Эклоги", опубликованной 31 марта 726 г., говорится о различных вариантах обретения свободы рабом. В тит. VIII ст.3 речь идет о другой группе - свободных, в частности о свободных женщинах. В тит. VIII ст.7 упоминаются вольноотпущенники, в ст.11 - группа свободных людей. В тит. XVII ст.29 свободные люди подразделяются на состоятельных (эвпоров), людей среднего благосостояния (эндеестеров) и, наконец, бедных и неимущих (апоров). В тит. XVII ст. 42 подданные империи делятся на свободных и рабов ("будь-то свободный или раб"). Институт рабства не был отменен в Византии до конца ее существования, хотя число рабов резко сократилось, и они уже не участвовали в производительной сфере. В "Эклоге", "как и в предшествующих и позднейших византийских законодательных сборниках, остается в силе унаследованное от античного общества деление на свободных и рабов" [1]. Подразделение на свободных и рабов зафиксировано в большинстве позднейших законодательных сборников Византии: в "Частной эклоге" (XVII. 41), в "Василиках" (60. 39. 27. сч.), в "Эклоге, измененной по Прохерону" (XXI. 16), в "Алфавитной синтагме" Матфея Властаря (М. 1) и в "Шестикнижии" Константина Армяннопула (VI. 10. 18).

Изложенная норма права является традиционной и восходит к римскому праву, она не отражает всей сложности правовых различий разных социальных слоев в поздней Византии. П.Лемерль даже склонен всех подданных империи относить только к политам (гражданам), не различая их правового статуса.

В поздней Византии не было опубликовано официальных законодательных сводов. Этот процесс был завершен "Василиками" Льва VI Мудрого. После этого в Византии получили распространение только частные юридические своды. "Византийское законотворчество не поспевало за спонтанно развивающейся действительностью. Поэтому огромную роль начинает играть право прецедентов, рассчитанное на регламентацию отношений, не находивших адекватного отражения в традиционном правопорядке" [2]. В поздней Византии довольно часто подчеркивается роль элиты, статус которой можно исследовать только на основе прецедентного права в силу отсутствия новых право-

творческих сводов, тем более с середины XIV в., когда произошли заметные модификации в статусе архонтов.

Эмпирика византийской истории показывает, что элита была сосредоточена прежде всего в городе, который в свою очередь был сосредоточением элиты. Элита была опорой царственности и священства. Непререкаемое господство города рельефно отличает византийское общественное развитие от любого государственно-локального развития Западной Европы и византийское городское сознание, в том числе правосознание, - от западного. Византийская элита была преимущественно городской элитой. Ее мироощущение определялось судьбами города. Элита развивалась в условиях естественного хода истории, в условиях эмпирической универсальности, без срывов, перепадов и крушений. Последовательная эволюция византийской элиты существенно отличалась от перипетий движения западного господствующего слоя, который во многом оказался вне преемственности, вне континуитета, аккумулировав наслоение культуры чуждых ему народов, но главное, претерпев катастрофические цезуры естественного исторического потока.

Идея полисной гражданственности наложила отпечаток на сознание античного человека. Византийское общество с его идеями царственности и священства формировало их преимущественно в городской среде и прежде всего - в интересах элиты. В эволюции этой элиты можно наметить два больших периода, рубежом которых является середина XIV в. В первый период (IV - середина XIV в.) властвующая элита в большинстве своем состояла из светских феодалов, во всяком случае, церковная элита занимала несколько подчиненное положение. Это время можно назвать секулярной эпохой властвующей элиты. С середины XIV в. церковная элита поднялась до уровня светской и в течение второго периода (середина XIV - середина XV в.) господствующая элита вбирала в себя не только светскую, но и церковную часть властвующей элиты, в состав которой входила административно-чиновничья, церковная, военная элита. Следует отличать интеллектуальную элиту (научную, художественную и т.п.), которая играла громадную роль в разработке идей, но нередко была далека от власти.

Византийская элита несет наибольшую степень ответственности за многие ошибки, непродуманность решений, лень государственной реакции на событийный ряд, промахи в отношениях с османами, латинским Западом.

В системе взаимоотношений между людьми роль византийской элиты была первостепенной, и эта роль во многом зависела от степени насыщенной этой элиты талантами, от степени адекватного восприятия действительности, от степени прочувствования той опасности, которая угрожала византийской ойкумене, от количества представителей элиты, которые непосредственно в условиях вражеского окружения разрабатывали пути выхода из катастрофы. Византийская элита должна была реализовать в полной мере свои сущностные силы, однако гибель Византии сама по себе не является приговором априори исторической ро-

ли византийской элиты до специального исследования этого вопроса. Представляется возможным отклонить идею об имманентной трагичности как византийского общества и государства, так и византийской элиты. Событийная история, тем более внешняя, не может объяснить однозначно историческую драму и систему взаимодействия подданных византийской империи, как и драму мировидения властвующей элиты. Место этой элиты в мироздании, ойкумене, обществе разъяснится в наибольшей степени через конкретное волеизъявление конкретных лиц и групп. Имперсональное объяснение деятельности византийской элиты, уход от персональных связей вряд ли раскроют тайны межличностного взаимодействия и общественной ответственности.

Анализируя эмпирический материал, нельзя в то же время отринуть собирательную и динамическую целостность византийской элиты. Она цементирует общественное движение и определяет направление последующей эволюции. Деятельность элиты представляется конституирующим элементом византийского общественного движения. Осознание элитой своих задач, ответственности и перспектив выливалось в ускорение или заторможенность эволюции системы человеческого взаимодействия. Психологический и социологический аспекты поведения элиты и мотивации этого поведения во многом были отражением возросшего статуса данного слоя. Полиэтническое византийское общество превращалось в поздневизантийскую эпоху в значительной мере в моноэтническое, что было связано не только с конкретной территорией и государственностью, как ранее, но также с цементированием внутренних рядов элиты, связанной общим статусом и общим языком.

Византийская элита не знала строгой функционализации индивидуумов, как византийское общество не знало насильственной функционализации общества. До конца Византии ее общество находилось в чрезвычайно благодатных природных и географических условиях, в центре человеческой ойкумены, вследствие этого византийская элита не могла потерять инициативу перед лицом обстоятельств.

Для византийской элиты поздневизантийского времени характерны единение, сплоченность, общность правового статуса, что совсем не означает, что элита была полностью монолитной, неразрывной и не подразделялась на отдельные группы. Политическое лидерство византийской элиты в конечном итоге должно было согласовать социальные устремления византийского общества, тем более перед лицом турецко-османского вторжения. Но была ли византийская элита господствующим слоем, который определял все модификации общественных взаимосвязей, - это зависело от ее соответствующего творческого потенциала и способности воздействовать на мировосприятие и ответную реакцию большинства византийских подданных. Формирование более или менее единой властвующей элиты нельзя рассматривать прямолинейно и односторонне, а только через призму реального воплощения ее замыслов и последствий ее деятельности. Для этого следовало бы раскрыть совокупность мироощущения и эмпирической деятельности элиты, степень

ее воздействия на мир и на человека, потенции ее творческого развития, способность к реализации общих светско-церковных замыслов. Особое звучание приобретает вопрос об оценке действий элиты со стороны отдельных ее представителей, представителей других групп общества (внутри страны), а также восприятие элиты за рубежом.

Что касается византийских архонтов середины XIV - середины XV в., то представления о них в византийском обществе существенно изменились. До середины XIV в. архонты как правители противопоставлялись подданным Византии, в некоторых случаях - простым людям, иногда - всему населению.

С середины XIV в. архонтами обозначается высший слой общества, причем в состав их входят не только миряне, но и клирики. Архонты составляли высший слой общества еще до середины XIV в., но в то время к ним относились только миряне. Теперь же (с середины XIV в.) архонты включили также клириков, поэтому можно сделать вывод, что данный слой византийского общества вбирал как светских, так и духовных лиц. Каждая из этих групп подразделялась в свою очередь на великих и малых.

До середины XIV в. архонты, включавшие только светских лиц, были самой влиятельной социальной силой, при этом речь идет о слое, а не об отдельных представителях. Император и патриарх с середины XIV в. и до конца империи, насколько свидетельствуют источники, не входили в число архонтов, они стояли вне этого слоя и в соответствующих перечнях занимали предшествующее архонтам место.

Первое место среди мирян и клириков по социальной значимости принадлежало архонтам (как светским, так и духовным). Все правители (кроме императора), включая самых знатных, или правителей областей, относились к слою архонтов.

Событийная эволюция последнего столетия существования Византийской империи показывает, что слой архонтов не раз оказывался перед необходимостью объединения усилий для поддержания универсальной доктрины государственности и неразрывности связи между царственностью и священством. Объяснялось подобное подталкивание противодействием негативной, с византийской точки зрения, реакции на доктрину великодержавности и тезис о единственном природном императоре. Эта реакция исходила извне, от сопредельных государств, которые, по византийским представлениям, входили в состав христианского сообщества, в состав православной ойкумены. Вместе с тенденциями и проявлениями общности, единства и совместных действий сохранялась почва для разногласий, антиномий, противоречий внутри архонтского слоя, порой вне зависимости от принадлежности к мирянам или клирикам. В наиболее обостренной форме это проявлялось при обсуждении, тем более заключении, церковных уний с латинским Западом. Ярчайшей парадигмой является в данном случае столкновение разных групп и представителей архонтов и стоящих за ними социальных сил на Ферраро-Флорентийском соборе.

Прерогативы архонтского слоя отражены в поздневизантийском источниковом материале крайне неравномерно, разбросанно, при этом в качестве правовой основы не могут служить частные законодательные сборники, правовые нормы которых восходят к римскому праву и более ранним законодательным сборникам Византии. Основанием для изучения правового статуса архонтов может служить лишь прецедентное право поздней Византии, которое отражено в нормативных актах византийских императоров, актах, имеющих юридическую силу. Данный материал, как правило, носит характер прецедента, однако в византийских частных сборниках права подчеркивается, что прецедент действует только в аналогичных ситуациях. В руководстве Константины Армянюпула, составленном чуть ранее 1345 г., зафиксировано: "Императорское решение относительно двух лиц пусть имеет силу и в подобных случаях" [3]. Отмеченная Константином Армянюпулом правовая норма находила практическое применение, поскольку он был судьей-практиком и внес в своё "Шестикнижие" только действующие правовые нормы. Так как "Шестикнижие" составлено незадолго до 1345 г., его положения можно рассматривать как новейшие, действующие на практике, и в соответствии с этим правовым сборником соответствующие прецеденты получали силу во всех соответствующих случаях.

Наибольшая трудность при характеристике правового статуса архонтов связана с отсутствием или малой сохранностью, или малочисленными публикациями источникового материала. С середины XIV в. до середины XV в. соотношение разных видов исторических источников изменяется. Некоторые группы и даже виды источников просто исчезают, другие обвальнo сокращаются. Для второй половины XIV в. характерен пробел для трудов византийских историков. Такие работы появляются позже (Дука, Критовул, Сфрандзи, Халкокондил), некоторые из них посвящены лишь событиям первой половины XV в. Заметно убывает количество житий святых, максимально сокращается актовый материал. Эпистолография, однако, сохранилась, но она не является нормативным материалом и только через 15 - 25 лет отражает те правовые нормы, которые зафиксированы в актовом материале. Для раскрытия правового статуса архонтов необходимо, конечно, обобщить весь источниковый материал, несмотря на все трудности, связанные с наличием, сохранностью или пробелами этого материала.

В историографии архонты понимаются как феодалы [4], проиары [5], противопоставляются всему населению [6], архонтами называются местные греческие феодалы в противоположность латинским феодалам [7], некоторые архонты занимают высокое положение в Латинской империи [8], архонтами называются также старейшины мелингов, живших в районе хребта Тайгеша [9]. В Никейской империи архонтами выступали крупные светские лица, владельцы отдельных территорий, некоторые из них чеканили свою монету [10]. Федор Ласкарь, император Никейской империи, вел напряжённую борьбу с архонтами, владельца-

ми отдельных территорий (Маниафа, Савва, Мануил Маврозом) [11]. В Никейской империи архонты были одним из разрядов крупной знати наряду с мегистанами [12]. М.А.Андреева считала архонтами особый землевладельческий класс, или разряд, служебной аристократии [13]. В Эпирском деспотате архонты управляли свободными сельскими общинами [14]. Паниперсеваст Димитрий, которому принадлежит одна грамота, называется архонтом Албании. Эту грамоту опубликовал и отнес к началу XIII в. А.В.Соловьев [15]. Архонты Фанари в 1342 г. называются великими и малыми, светскими и духовными, крисовулатами и эскуссатами. Они одновременно называются мегистанами. Михаил Гаврилопул, правитель Фессалии, дал им клятвенную грамоту в том, что будет защищать их права и свободы: свободу распоряжения земельным имуществом, свободу от налогов и постоев, ограниченные условия военной службы, неотвеченность за родственников в случае измены, сословный суд только перед равными себе (Б.Т.Горянов отметил, что клятвенные записи были особенностью фессалийского правопорядка) [16].

А.В.Соловьев полагал, что в западных областях Византии, в Фессалии, в первой половине XIV в. функционировали городские или областные собрания церковных и светских архонтов [17]. К.Сафа отметил, что в Фессалониках в XIV в. избирался городской совет, а также свои архонты, стражники, судьи. Фома Магистр утверждал, что архонтов следует выбирать из знатных. К знати принадлежало и знатное духовенство [18].

Таким образом, вопрос о правовом статусе архонтов связан с терминологией, фразеологией, их соотношением, выявлением специального значения термина "архонт", поисками значений термина в более раннее время, предшествующее середине XIV в. (как по данным источников, так и в историографии), эвристикой источниковых текстов последнего столетия жизнедеятельности Византии, классификацией источникового материала, определением приоритетных источниковых групп, прежде всего нормативных актов, изучением прецедентного права, определением социального статуса архонтов как властвующей элиты и соотношением архонтов с другими разрядами творческой элиты, определением совокупности прав, прерогатив, свобод и обязанностей архонтов, внутренней структурой архонтского слоя и раскрытием исторической роли архонтов (в составе элиты) и в целом поздневизантийской элиты в судьбах Византийского государства и византийской цивилизации.

1. Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э.Липшиц. М., 1965. С.32-33.

2. Хвостова К.В. Византийская цивилизация // ВИ. 1995. № 9. С.41.

3. Constantini Harmenopuli Manuali legum sive Hexabiblos/ Ed.G.E.Heimbach. Lipsiae, 1851. Lib.I. Tit.1, 29.

4. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С.27.

5. Там же. С.30.

6. Там же. С.33.
7. Там же. С.38.
8. Там же. С.52.
9. Там же. С.60.
10. Там же. С.63.
11. Там же. С.65.
12. Там же. С.83.
13. Андреева М.А. Очерки культуры византийского двора. Прага, 1927. С.116.
14. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. С.86.
15. Soloviev A.V Eine Urkunde des panhypersebastos Demetrios, megas Archon von Albanien// BZ. 1934. Bd. 34. Hf. 1. S. 305-310.
16. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм... С.111-112.
17. Соловьев А.В. Фессалийские архонты в XIV в.// BS. 1932. Т.4. Fasc. 1 P.171.
18. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. С.349.